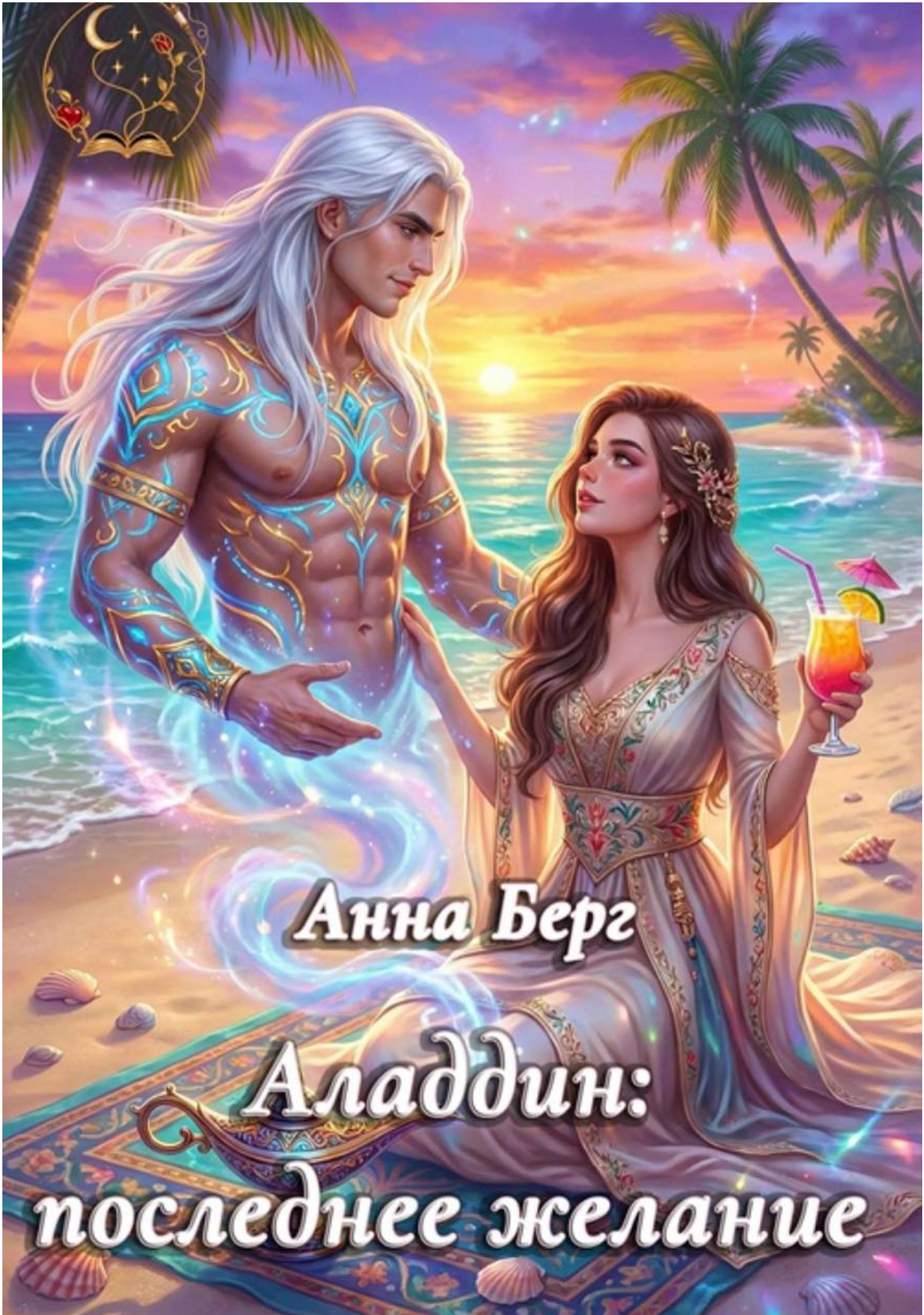

Анна Берг

Аладдин: последнее желание

Сказки для взрослых

Анна Берг

Аладдин: последнее желание

«Автор»

2026

Берг А.

Аладдин: последнее желание / А. Берг — «Автор», 2026 — (Сказки для взрослых)

Аладдин, сын бедного скорняка, не хочет работать, но жить мечтает, как султан. Когда на его пути появляется таинственный незнакомец, обещающий лёгкое богатство за пустяковую услугу, Аладдин не раздумывает. Вместе с несметными богатствами и дворцом он получает трофей — принцессу Бадр аль-Будур, у которой есть всё, кроме права выбора. Отец смотрит на неё как на товар, родная мать говорит: «Смирись!», а она хотела бы просто съесть абрикос, сорвав его с дерева, а не взяв с золотого блюда. И меньше всего на свете она мечтает о муже, который получил её, как ещё одну драгоценность в свою коллекцию.А ещё у Аладдина есть джинн из старой лампы. Он может исполнить три желания своего хозяина. Но есть то, чего не может дать даже самый всемогущий джинн. И Бадр это знает.

© Берг А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Аладдин: последнее желание

Глава 1

Свет в тронном зале внезапно померк — на окно набежала странная тень. Аладдин вздрогнул и прислушался.

Под окнами кто-то ходил. Медленно. Туда-сюда. Именно под его окнами!

Аладдин нехотя приоткрыл один глаз. Дворец тут же рассыпался, будто замок из песка, а над Аладдином снова, как и вчера, оказался требующий починки потолок: доска поперёк, щель у стены, паук в углу — старый знакомый, второй год ленится свою паутину залатать. Вот только шаги под окнами были вполне реальны. Кто-то прошагал в одну сторону, остановился, двинулся обратно. Аладдин поднялся, подошёл к окну и осторожно выглянул, чтобы успеть увидеть, как одетый во всё чёрное незнакомец заворачивает за угол. Он подождал немного, но незнакомец больше не появился.

Аладдин вернулся в кровать, полежал ещё немного на спине, глядя, как паук перебирает лапками, и решил, что вставать сегодня не обязательно. Ну, то есть, он встанет — голод рано или поздно поднимет! Но потом, попозже. А пока можно снова закрыть глаза и попытаться вернуться в тот сон, где он сидит на троне, а перед ним, почтительно склонив голову, стоит прекрасная принцесса Бадр аль-Будур…

— Аладдин! Вставай, солнце уже высоко! — раздался снизу голос матери.

Аладдин повернулся на бок и покрепче закрыл глаза. Однако на боку оказалось неудобно. Он полежал ещё немного — ровно столько, чтобы понять, что мать не отстанет. Упрямая у него мать! Раз уж привязалась со своим «вставай», не отступится. Он со вздохом поднялся, натянул чистую рубаху и распахнул дверь.

В нос ударил запах мокрого дерева и щёлочи. Этот запах поднимался снизу, из чанов, где мать замачивала бельё. Она всегда замачивала его с вечера, а утром стирала. Аладдин не сумел вспомнить ни одного дня, чтобы мать не стирала по утрам. Даже когда болела или в праздники. Аладдин снова тяжело вздохнул, поморщился и вышел во двор.

Двор у них был маленький, зажатый между домом и мастерской. Посередине — камень для стирки, вкопанный в землю. Возле камня — мать, по локти в мыльной воде.

Во сне она была вместе с ним во дворце, в дорогом наряде. Наяву, как и обычно, надела старое застиранное платье с выцветшим узором и такой же старый платок. Стоило Аладдину выйти, как она подняла голову и сказала:

— Наконец-то! Раньше вставать надо, а то счастье своё проспишь. Ладно, ступай. Хлеб на столе, молоко в кувшине. Иди ешь, а потом к отцу в мастерскую. Ему помощь нужна.

— У меня дела, — сказал Аладдин.

— Какие у тебя могут быть дела? — нахмурила брови мать.

Аладдин не ответил. Он посмотрел на небо — чистое, синее, без единого облака, — и подумал, что день будет жаркий. Хороший день. Такой, когда ничего не хочется делать, и меньше всего помогать отцу в вонючей мастерской.

Дверь мастерской открылась, и на пороге появился отец. В руках — молоток. На поясе — фартук, покрытый бурыми пятнами. Он посмотрел на сына и ничего не сказал. Только вздохнул — тяжело, как вздыхают люди, у которых кончились слова.

— Отец, я сегодня… — начал было Аладдин.

— Знаю, — перебил отец. — Дела.

Он прошёл мимо, взял висевший на гвозде моток дратвы и, не говоря больше ни слова, вернулся в мастерскую. Аладдин услышал, как стукнула дверь. Мать снова опустила руки в

воду и принялась выкручивать простыню. Аладдин постоял ещё немного, потом взял со стола лепёшку и выскользнул на улицу.

Здесь было людно. Сосед справа, Касим, вывел осла и ругался — осёл не хотел идти. Сосед слева, старик Хасан, сидел на пороге и чинил сеть. Дети бегали, кричали, во что-то играли. Раньше и Аладдин так играл. Хорошее было время!

Аладдин шёл по улице и жевал лепёшку. С одного из дворов пахло дымом и жареным луком. Мимо, не глядя, прошла женщина с корзиной. Потом ему показалось, что впереди идёт человек в чёрной одежде. Пробежал мальчишка — чуть не сбил с ног. Аладдин отвлёкся, а когда поднял голову, не увидел впереди никого в чёрных одеждах. Показалось, наверное. Потом из открытого окна пахнуло кофе. Аладдин тут же забыл про чёрного незнакомца, остановился и вдохнул божественный аромат. Кофе он любил. Не пил — отец считал кофе баловством и никогда не покупал, — но запах Аладдин любил. Запах был как из другой жизни. Из той, где у человека есть всё, что он пожелает.

Он дошёл до конца улицы и сел на камень у поворота. Отсюда был виден дворец. Не весь, лишь кусочек, золотой купол над крышами. Аладдин смотрел на этот купол и думал о том, что где-то там, за стенами, люди просыпаются не от крика матери, а от аромата роз. Что у них есть всё. И им не надо ничего делать, а спать можно столько, сколько захочется.

И вдруг купол исчез — перед Аладдином стоял незнакомец в чёрных одеждах.

* * *

Дверь открылась без стука. Вошла Малика — молодая круглолицая служанка, которую приняли во дворец совсем недавно. В руках она несла кувшин воды, а на сгибе локтя висело пушистое полотенце. Она не постучала. Зачем стучать? Принцесса — не человек. Принцесса — вещь. Она должна слушаться и молчать.

— Госпожа, — сказала Малика. — Пора вставать.

И никого не волнует, что принцесса полночи не могла заснуть от какой-то неясной тревоги, и лишь под утро забылась тяжёлым сном.

Бадр аль-Будур открыла глаза и села. Малика подала платье. Новое, нежно-зелёное, с богатой серебряной вышивкой. Совершенно безвкусной вышивкой. Бадр долго смотрела на него и наконец произнесла:

— Принеси другое.

— Госпожа, ваша матушка приказала вам надеть именно это…

Бадр позволила Малике умыть её, причесать и облачить в безвкусное зелёное платье.

— Ваша матушка ждёт вас к завтраку.

Бадр вздохнула и отправилась на завтрак. Стражники при её появлении низко склоняли головы. Когда мимо проносили символ отцовской власти — меч, они кланялись ниже, кто меньше чином, те должны были пасть ниц…

Мать сидела за столом, прямая, красивая, усталая. Тоже облачённая в безвкусное дорогое платье и увешенная золотыми украшениями.

— Доброе утро, — сказала мать.

— Доброе утро, — безжизненным эхом отозвалась Бадр.

Как всегда по утрам, им принесли кофе. Бадр не любила кофе. Слишком горький. Слишком жестоко напоминает, что в её жизни нет того, что может себе позволить даже самый бедный житель столицы — не вставать утром с постели, когда не хочется. Она вынула из вазочки с фруктами маленькое солнышко, абрикос, и, прежде чем съесть, незаметно раздавила в руке, вдыхая запах свободы. Фрукты ведь растут на свободе.

— Отец ждёт тебя после завтрака, — сказала мать.

Бадр замерла.

— Зачем?

— Не знаю. Он не сказал.

Бадр поднялась и отправилась в тронный зал. Перед ней распахнули дверь. Бадр вошла и, почтительно склонив голову, встала перед троном, ожидая, пока отец закончит разговор с визирем и обратит внимание на неё. Наконец отец отпустил визиря и окинул её взглядом, долгим, оценивающим, и, кажется, остался доволен.

— Ты выросла, Бадр аль-Будур, — отметил он. — Настало время отдать тебя замуж.

Глава 2

Аладдин поднял голову.

Перед ним стоял высокий мужчина в чёрном халате с богатой вышивкой чёрными шёлковыми нитями. На всех десяти пальцах незнакомца Аладдин увидел перстни. На некоторых даже по два. На поясе висел кинжал в золотых ножнах. Лицо загорелое, обветренное. Глаза тёмные, внимательные — такие глаза смотрят не на тебя, а сквозь тебя, будто ищут что-то за твоей спиной.

— Ты Аладдин? — спросил он. — Сын Мустафы?

Аладдин насторожился. Но вставать не стал — было лень.

— Кто спрашивает?

Мужчина широко улыбнулся и заявил:

— Моё имя Зейд. Я твой дядя, брат твоего отца.

Аладдин посмотрел на него. Потом на его халат. Потом на перстни. Потом снова на лицо.

— У меня нет дяди, — медленно покачав головой, произнёс он.

— Есть, — возразил Зейд. — Просто ты меня не помнишь. Я уехал, когда ты был совсем маленьким. Двадцать лет не был дома, и вот теперь вернулся.

Аладдин хмыкнул. Он не то чтобы вот так сразу взял и поверил. Просто зачем бы этому человеку понадобилось врать? Если он не дядя, то кто? Разбойник? Так разбойники не подходят к людям на улице и не говорят: «Я твой дядя». Разбойники бьют по голове и забирают кошель. А у Аладдина и кошеля-то нет. Отродясь не было.

— А отец знает? — спросил Аладдин.

— Не знает, — покачал головой дядя Зейд. — И пока не надо, чтобы знал. Мы с ним поссорились двадцать лет назад. Из-за наследства. Глупо поссорились, по молодости. Я тогда обиделся, уехал. А теперь понимаю, что дурак был.

Он говорил спокойно, не спеша, как говорят люди, которым нечего доказывать. И смотрел на Аладдина не как на незнакомца, а как на кого-то, кого давно знает. Это было странно и приятно. На Аладдина никто никогда так не смотрел, даже мать — та смотрела с тревогой. А отец — с разочарованием и с усталостью. В отличие от них, дядя Зейд просто смотрел. Как смотрят на своего.

— А чего вы вообще ко мне подошли? — захотел выяснить Аладдин. — Если с отцом не хотите видеться, то я-то вам зачем?

— Я и с Мустафой встретиться хочу, — заверил дядя Зейд. — Но не сейчас. Сначала хочу с тобой познакомиться. Ты ведь мой племянник. Родная кровь.

«Кровь» — это слово Аладдину понравилось. Оно было тёплое. Как будто кто-то взял и сказал: ты не просто мальчишка с улицы, у тебя есть родня. Богатая родня. В шелках, с дорогими кольцами и с кинжалом.

— Так что, племянник, будем знакомы? — сказал дядя Зейд и протянул руку.

Аладдин посмотрел на руку — ухоженную, чистую. У него самого руки были со вчера не мыты, с грязью под обкусанными ногтями. Стыдно такую для рукопожатия с достойным человеком предлагать. Но дядя Зейд и слова не сказал. Просто крепко сжал руку Аладдина.

Ладонь у дяди Зейда была сухая и твёрдая, как у человека, который много чего держал в руках. На мгновение Аладдину стало жутко, ведь то был явно не молоток, не шило, что-то другое, более страшное… Захотелось отдёрнуть руку.

— Пойдём, — сказал дядя Зейд. — Ты, я вижу, не завтракал толком. Угощу тебя.

— У меня дела, — привычно отозвался Аладдин.

Он тут же сам удивился, зачем такое сказал. Никаких дел у него не было. И никогда не было. Но дядя Зейд улыбнулся.

— Дела подождут, — сказал он. — А обед — нет.

* * *

Слова отца вошли в неё, как нож. Но Бадр аль-Будур была настоящей принцессой. Она улыбнулась, поклонилась и тихо сказала:

— Как вам будет угодно, отец.

Султан Рашид наградил дочь тёплой отеческой улыбкой и отпустил.

Вернувшись к себе в комнату, Бадр прислонилась спиной к двери, которую закрыли за ней стражники, постояла так, слушая, как стучит сердце, а затем медленно подошла к столу. Там стоял кувшин — голубой, с серебром. Малика всегда оставляла его здесь на случай, если госпожу одолеет жажда. Бадр подняла кувшин, отнесла его в самый центр комнаты — туда, где каменный пол не был закрыт мягким ковром, и разжала руки.

Кувшин с грохотом упал. На Бадр брызнуло холодной водой, а осколки разлетелись по всему полу — синие, с серебром, как лёд.

Бадр смотрела на них. И вдруг поняла, что ей стало легче. Ненадолго, всего на миг, но легче.

Она взяла чашку и бросила. Потом блюдце. Потом вазу — тонкую, с цветами. Ваза разлетелась на мелкие кусочки, цветы упали. Бадр смотрела на эти цветы — мокрые, растерянные. Они лежали на полу, будто не понимая, что случилось. Она заметалась по комнате в поисках всего, что можно так же разбить, и с наслаждением бросала на пол все эти изящные статуэтки и вазочки — красивые, дорогие, ненужные, в один миг превратившиеся в мусор.

Потом она зачем-то подняла осколок статуэтки и поранилась.

Бадр посмотрела на кровь и вытерла палец о платье. На нежно-зелёном платье с безвкусной серебряной вышивкой осталась грязная полоса. Пусть останется. Пусть все видят.

Она встала и подошла к окну, откуда открывался вид на ухоженный сад — иллюзия свободы, но на самом деле лишь продолжение клетки. Ей до боли захотелось, чтобы окна выходили не в сад, а в город, чтобы она могла хотя бы видеть, как живут по-настоящему свободные люди.

Малика сейчас прибежит — стражники давно уже должны были позвать её. Сами они не посмели ворваться к ней в комнату, они ведь мужчины.

Потом Бадр накажут. Она несколько дней проведёт здесь взаперти, на хлебе и воде. И, разумеется, придётся извиняться перед отцом. Но сейчас, пусть всего несколько секунд, ей было хорошо. Сейчас она чувствовала себя почти свободной.

Глава 3

Они шли по улице, дядя Зейд чуть впереди, Аладдин — за ним. Люди оборачивались, с любопытством взирая на дядю Зейда. Аладдину тоже досталось внимания. На него смотрели так, как смотрят на человека, что идёт рядом с важной персоной. Аладдину это понравилось. Он даже спину выпрямил, сам не заметив.

— Далеко идти? — спросил он.

— Совсем рядом, — сказал дядя Зейд. — Я знаю тут одно место, где вкусно кормят.

Он свернул сначала в один переулок, потом в другой. Аладдин шёл за ним и думал, что странно — он вырос в этом городе, знал здесь каждую улицу, каждый тупик, каждую дыру в заборе, через которую можно пролезть. А тут вдруг солнце будто погасло на какое-то мгновение, потом снова зажглось — и они уже в переулке, которого Аладдин не помнил. Может, и был такой, а может, и не было никогда.

Через несколько минут они вышли на площадь, которую Аладдин тоже не узнал. Здесь было тихо. Ни тебе торговцев, ни ослов, ни детей. Только чайная — маленькая, с низкой дверью, с окнами, затянутыми цветной тканью. Над дверью висела вывеска, но Аладдин не умел читать. Точнее, умел — чуть-чуть, буквы знал, но складывать в слова получалось плохо. Отец не заставлял учиться. Говорил: скорняку грамота ни к чему, скорняку нужны руки.

— Заходи, — сказал дядя Зейд и толкнул дверь.

Внутри было темно и прохладно. Пахло мятой и чем-то сладким. За столами сидели двое — старик в чалме и молодой мужчина в сером. Оба посмотрели на вошедших, потом отвели глаза. Дядя Зейд прошёл в дальний угол, сел за стол и кивнул Аладдину, приглашая сесть и его.

Аладдин сел.

— Что будешь? — спросил дядя Зейд.

— А что есть?

— Есть всё.

Аладдин не понял, что значит «всё». Так не бывает. Но спрашивать не стал. Просто сказал:

— Тогда то же, что вы возьмёте, дядя.

Дядя Зейд посмотрел на него и засмеялся. Не громко, не обидно — просто засмеялся, как смеются над детьми, когда те говорят что-то неправильное, но милое.

— Договорились, — сказал он и крикнул в сторону кухни: — Хозяин!

Из-за занавески вышел человек. Не старый, не молодой, полноватый, с круглым лицом и маленькими глазами. Он посмотрел на дядю Зейда, потом на Аладдина, потом снова на дядю Зейда. И — Аладдин готов был поклясться — чуть кивнул. Едва заметно. Как кивают людям, с которыми заранее о чём-то договорились.

— Принеси нам плова, — сказал дядя Зейд. — А потом чаю с чем-нибудь сладким.

— Будет сделано, — кивнул хозяин.

Дядя Зейд обернулся к Аладдину:

— Ты же любишь сладкое?

Аладдин кивнул. Он любил сладкое. Просто не ел его никогда.

Хозяин ушёл, а дядя Зейд снял с пояса кинжал и привычно положил рядом на стол, потому что сидеть с кинжалом на поясе неудобно. Аладдин посмотрел на ножны. Золотые, с камнями. Он такие видел только на страже у дворца.

— Откуда у вас это всё? — спросил он. — Дорогой халат, перстни, кинжал.

— Нажил потихоньку, — пожал плечами дядя Зейд. — Двадцать лет уже по свету мотаюсь. Где только не был — и в Египте, и в Персии, и в Индии. Торговал, пряности возил, камни. Где-то заработал, где-то потерял. Теперь вот вернулся.

— И что, — Аладдин понизил голос, — вы очень богаты?

Дядя Зейд опять засмеялся.

— Богат, — кивнул он. — Не как султан, конечно. Но на безбедную жизнь хватает. И родным племянником поделюсь, не волнуйся.

У Аладдина пересохло во рту. Он смотрел на дядю Зейда и ждал, что тот скажет: «Шучу». Но дядя Зейд сидел, уставившись куда-то в окно, и молчал.

Вскоре хозяин вынес им плов — в больших чашах, с мясом, с морковью, с изюмом. Аладдин таких чаш и не видел никогда. И плова такого никогда не ел. Он набросился на еду, забыв про манеры, про то, что рядом сидит человек в дорогом халате. Просто ел. И только когда чаша опустела наполовину, вспомнил про дядю.

Подняв голову от своей чаши, он увидел, что дядя Зейд тоже ест, только медленно и спокойно. Когда Аладдин доел свою порцию, хозяин подал горячий крепкий чай с мятой и ещё какими-то травами, которых Аладдин не распознал. К чаю им принесли сладости в маленькой коробочке — орехи в меду и что-то ещё, непонятное, но вкусное.

— Ну что, — сказал дядя Зейд, когда коробочка со сладостями опустела. — Поговорим?

Аладдин кивнул. Он уже готов был слушать что угодно.

— Только сначала, — сказал дядя Зейд, — обещай, что отцу не расскажешь. Ни про меня, ни про наш разговор.

— Почему?

— Потому что он меня и на порог не пустит. Скажет — нет у меня брата. Может, и обманщиком назовёт, и, возможно, прав будет, — дядя Зейд вздохнул и посмотрел на свои руки. — Я ведь и правда виноват перед ним. Двадцать лет от меня ни слуху ни духу не было. Я не прошу, чтобы ты солгал. Просто не говори пока про меня. Дай мне время собраться с духом, чтобы помириться с Мустафой.

Аладдин подумал. Лгать ему доводилось часто. Матери он говорил, что был у Абдуллы, отцу — что искал работу. Совесть не мучила его. А тут и лгать-то не надо было. Требовалось просто промолчать. Это было проще и добавляло веса, будто они с дядей Зейдом заговорщики, и у них есть общее дело, о котором не знает никто.

— Ладно, — кивнул Аладдин. — Не скажу.

— Спасибо, — сказал дядя Зейд, и, вроде бы, по-настоящему обрадовался. Неужели настолько виноват был перед Мустафой?

— Дядя Зейд, — поинтересовался Аладдин, — а вы моему отцу старший брат или младший?

— Младший, — ответил дядя. — Мустафа на четыре года меня старше.

Вот оно что! Ну, тогда понятно. Старших братьев многие боятся и почитают, как родителей.

— Так о чём вы поговорить-то хотели? — спросил Аладдин.

Дядя Зейд ответил не сразу. Он отпил чаю, поставил чашку, посмотрел в окно, а потом уставился на Аладдина, да так, что Аладдин невольно заёрзал на мягкой подушке, какими в этой чайной были устланы лавки.

— Очень мне помощь твоя нужна, — проговорил наконец дядя Зейд, и наклонился ближе к Аладдину, а голос его стал тише. — Есть в горах, в трёх днях пути к северу отсюда, одна пещера. Пещера необычная, будто яма в земле. И вот в эту яму уронил я лампу, единственную память о нашем с Мустафой дедушке. Хотел за ней сразу же и спуститься, да не смог. Пещера не пустила. А потом узнал, что пещера та заколдована. Войти в неё может только тот, у кого чистое сердце. А я… Я двадцать лет торговал. Обманывал. Где-то недодал, где-то перепродал. Так что сердце у меня не чистое оказалось.

Дядя Зейд вздохнул и развёл руками.

— Ну а я-то чем могу помочь? — не понял Аладдин.

Дядя Зейд посмотрел на него и улыбнулся, будто извиняясь.

— Ты молодой, — проговорил он. — Невинный. Ты ещё ничего плохого не сделал. Пещера тебя пустит. А я за эту лампу готов тебе половину всех своих богатств отдать.

Аладдин хотел сказать, что сделал, ведь он и лгал, и ленился. Но почему-то не сказал. Может, потому, что «невинный» — это было хорошее слово. Тёплое. Словно дядя Зейд разглядел в нём что-то такое, чего не видели другие. А может, просто испугался, что если признается дяде в своих грехах, то тот найдёт кого-то другого, с кем поделится половиной своих богатств.

* * *

Бадр принимала наказание спокойно, как истинная принцесса. Её заперли в комнате одну, запретив к ней входить даже Малике. Лишь вечером к ней вошла незнакомая служанка, поставила на стол кувшин с водой — медный кувшин, — положила рядом лепёшку, какие пекут для слуг или для нищих и ушла, даже не поклонившись.

Она не притронулась к еде. Нет, не из гордости. Если бы ей удалось вырваться на свободу, она была бы рада питаться такими лепёшками каждый день! Просто есть не хотелось. Совсем.

Бадр прилегла на кровать и не заметила, как уснула. Проснулась от того, что в комнате кто-то был. Она открыла глаза, узнала мать и, поднявшись, уселась на постели, скрестив ноги.

— Ты меня позоришь, — без какого-либо вступления сказала мать, присаживаясь на край кровати. — Перед отцом, перед слугами, перед всеми! Все слышали, как ты била посуду. Все видели, как Малика выносила осколки. Все знают, что тебя посадили на хлеб и воду, как провинившуюся девчонку.

— Я и есть провинившаяся девчонка, — пожала плечами Бадр.

Мать посмотрела на неё. Впервые за всё время — прямо. В глаза.

— Не смей, — сказала она. Тихо. — Не смей так говорить.

— Почему?

— Потому что ты принцесса.

— Принцесса — это вещь, — усмехнулась Бадр. — А провинившаяся девчонка… Ту хотя бы считают человеком.

Мать вздрогнула и отвела глаза.

— Пусть так, — согласилась она. — Пусть ты вещь, зато дорогая. И заперли тебя всего лишь в комнате. Меня за непослушание сажали в подвал, где жили крысы, и не было ни света, ни мебели. Я провела три дня на голом полу.

Бадр не знала об этом.

— И что? — тихо спросила она. — Ты смирилась?

— Я выжила, — ответила мать. — И теперь у меня есть всё, а от меня требуется лишь одно — послушание.

— И что? — повторила Бадр. — Ты счастлива?

Прежде чем ответить, мать долго смотрела на неё, и Бадр впервые увидела в её глазах что-то, чего там никогда не было. Или было, но она не замечала.

— Счастье — это не для нас, — почти шёпотом проговорила мать. — Наш выбор — послушание и золото и вкусная еда, либо непослушание и подвал с крысами.

Бадр упрямо вскинула голову.

— Я не смирюсь, — сказала она.

Мать долго молчала, глядя на неё, а потом горько улыбнулась.

— Все так говорят, — сказала она. — Потом это проходит.

— У меня не пройдёт, — вскинулась Бадр.

— Пройдёт, — ответила мать. — Всё проходит. И это тоже пройдёт.

Она встала и направилась к двери, но у порога остановилась и снова обернулась к Бадр.

— Ешь, — сказала она. — Голодная смерть — это не свобода. Это просто смерть.

Она вышла и Бадр снова осталась одна. Она так и не притронулась к лепёшке, потому что поклялась себе, что когда-нибудь съест настоящий абрикос. Не из вазочки с фруктами, а прямо с дерева.

Глава 4

Дядя Зейд долго наставлял Аладдина, что именно ему нужно будет сделать. Оказалось, что в дядиной пещере, куда тот так неосторожно уронил прадедушкину лампу, были очень строгие правила. Забрать с собой из пещеры можно было только что-то своё.

— Так лампа же не моя! — встрепенулся Аладдин.

— Как это не твоя? — удивился дядя Зейд. — Эта лампа принадлежала твоему прадеду, а это значит, что ты имеешь на неё столько же прав, сколько я или твой отец.

Аладдин молчал, разглядывая чаинки, оставшиеся на дне пустой чашки.

— Так ты согласен мне помочь? — не дождавшись, пока заговорит Аладдин, спросил дядя Зейд.

Войти в пещеру и взять лампу — пустяковая, в сущности, просьба. Но если бы всё было так просто, дядя забрал бы эту лампу сам.

— А если я не вернусь? — спросил Аладдин.

— Вернёшься, — заверил его дядя Зейд. — Я буду ждать у входа. Если что — вытащу.

— А если пещера закроется?

— Не закроется, — сказал дядя Зейд, — если ты не возьмёшь ничего чужого. А даже если закроется, знай, что я сумею её открыть.

Аладдин долго смотрел на дядю Зейда. Тот взгляда не отводил, как сделал бы нечистый на руку, даже не улыбался. Просто смотрел. И Аладдину вдруг стало легко. Как будто всё решилось само. Как будто он уже согласился — а только сейчас это понял.

— Ладно, — сказал он. — Согласен.

Дядя Зейд кивнул. Не обрадовался, не заулыбался, не начал благодарить. Просто кивнул, как будто другого ответа и не ждал.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай внимательно. Выезжаем завтра на рассвете. Я дам тебе лошадь, еду, воду. И вот это.

Он снял с пальца один из своих перстней и положил на стол. Камень в перстне был гладкий, как вода, и такой тёмный, что, казалось, в нём ничего нет. Только чернота.

— Это защитит тебя в пути, — сказал дядя Зейд. — От злых духов. От дурного глаза. Главное — не снимай.

Аладдин взял перстень и надел на палец, ощутив во всём теле приятное тепло.

— А как я найду пещеру? — спросил Аладдин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.